

**Концепт империи как предмет
мультидисциплинарного исследования**

В современном руссиеведении как полидисциплинарном «понимающем познании» России, сравнительно недавно заново «открытом» отечественным академическим сообществом¹, концепт «Империя»² является одним из самых многозначных и распространенных — и в то же время одним из самых противоречивых и дискуссионных, распадаясь в разных дисциплинах и у различных авторов на множество несовместимых друг с другом истолкований.

Тем не менее, большинство руссиеведов сходятся в том, что ключ к разгадке многих, если не всех, тайн так называемой «русской системы» вообще — кроется в специфике *русской власти*, которая, по выражению Ю. С. Пивоварова, и есть «главный деятель и делатель нашей истории; она предельная ценность, целеполагание и средоточие всей русской системы» с ее «властечетричной культурой»³. Или, как концентрированно сформулировал А. И. Фурсов, именно она («русская власть», у которой «нет аналогов ни на Западе, ни на Востоке»⁴) и является «базовой единицей русской истории, взятой как система»⁵. Но сам секрет пресловутой «русской власти», в свою очередь, непостижим вне осмысления феномена Империи как генератора стратегических целей и исторической судьбы России.

Более того, при любых попытках осмысления России как Империи (и истории России в контексте истории империй), отсутствие внятного ответа на вопрос: «*Что такое империя?*» — делает невозможным и сколько-нибудь определенный ответ на самый главный вопрос руссиеведения: «*Что такое Россия?*».

С одной стороны, Имперская идея являлась демиургом отечественной государственности на протяжении многих веков ее поступательного развития. Имперское сознание остается важной ментальной характеристикой большинства населения нынешней Российской Федерации как, хотя и

серьезно съжившегося территориально по сравнению с Советским Союзом, но по-прежнему самого большого на Земном шаре *Имперского тела*. Актуальны и даже модны сегодня как в публичном, так и научном дискурсе разговоры на имперско-державную тематику, причем ведущиеся с равной настойчивостью представителями полярно различных политических сил: одних — о необходимости отказа от «*великодержавных замашек*» и «*имперских амбиций*», других — о желательности возрождения *Имперского духа и Имперской власти*.

С *другой стороны*, в самом существе Империи заложен изначальный антагонизм между утопическим стремлением к воплощению идеальных ценностей и невозможностью их совершенной реализации на практике, в ценностях конкретно-исторических. В этом взрывоопасном взаимопроникновении *Утопии* и *Истории* кроются и причины потрясающей жизненной силы империй, и причины циклически повторяющихся имперских кризисов — *смут*⁶. В таком контексте, предотвращение и преодоление последних неразрывно связано с пониманием Империи как исторически обусловленной системы взаимодействия народа и власти в России⁷, с искажения которой и начинаются все «смутные времена» отечественной истории. Таким образом, осмысление концепта империи имеет не только теоретическую, но и практическую значимость, и из предмета пристального и пристрастного внимания ученых, политиков и публицистов перерастает в жизненно важный для самого существования российского общества и всей российской цивилизации вопрос.

Однако сам этот концепт, будучи использован по совершенно разнознаковым поводам и в разнодискурсных контекстах, зачастую — в полярно несовместимых смыслах и с диаметрально отличными целями, нуждается в обязательном авторском уточнении, что представляет непростую, но необходимую для добросовестного исследователя задачу.

Примечательно, что когда еще более 30 лет назад в Париже вышла уникальная в своем роде книга — сборник выступлений членов коллоквиума по проблеме «Понятие

империи», представляющая собой как бы энциклопедию различных имперских систем, существовавших в мире с древнейших времен до наших дней, то уже в предисловии к этому труду его редактор М. Дюверже признался: «Возможно, адекватной концепции империи не удастся выработать никогда. Но пусть сам поиск подскажет новые пути и новые вопросы. <...> Никакого определения слова «империя» не было предложено участникам дискуссии, никакого определения не было выработано в ходе работы...»⁸.

По оценке С. В. Лурье, «такая откровенная "пробуксовка" неудивительна, когда существует только единственная альтернатива: имперское действие либо объясняется исходя из одной характеристики (чаще всего прослеживается эволюция понятия империи на протяжении истории, или же... как это делает С. Айзенштадт (*Шмуэль Эйзенштадт — [Прим. П. М.]*) в одной из своих ранних работ, история империй анализируется, например, как история бюрократических обществ⁹) — либо считается, что характеристик, которые следовало бы сопоставлять между собой, так много, что легче заявить: "Имперской системы как таковой не может существовать"»¹⁰.

Проблема непредвзятого осмысления «Империи» осложняется и тем, что прошлый, XX век на всем своем протяжении оказался не просто гибельным для многих имперских образований («*имперских тел*») мировой истории, но и породил глубочайший мировой кризис *имперского сознания*, самой *Идеи Империи*. Он спровоцировал разделившую Новое и Новейшее время и продолжающуюся донныне глобальную переоценку имперских ценностей и ценностей собственно Империи как особого исторического феномена.

Само слово «Империя» в условиях столкновения парадигм Традиции и Модерна приобрело исключительно противоречивый и зачастую остро негативно-ценностный оттенок даже в тех странах, где до этого воспринималось традиционно позитивно. Так, например, уже в мае 1917 г. Главнокомандующий Британскими Восточноафриканскими экспедиционными силами (будущий премьер-министр Южно-

Африканского Союза) генерал Я. Х. Смэтс, выступая перед членами парламента, заявил, что тот, кто сумеет найти для Британской империи новое определение, «сослужит ей хорошую службу»¹¹.

Произошедшее далее крушение основных империй континентальной Европы и распад империалистических колониальных систем способствовали дальнейшей дискредитации термина «Империя». С приходом Постмодерна лексема «Империя» стала еще более разноречивой по смыслу, грозя утратить его вовсе. Как поторопились подытожить некоторые современные российские ученые к концу XX столетия: «Более того, на Западе, если речь идет о современности, использование понятия «империя» сегодня считается несолидным для серьезного исследователя»¹².

Однако оказалось, что «упокоить» империю не так-то просто — «призрак империи» оказался весьма «беспокойным»¹³ и продолжает «бродить», в том числе и в специальной литературе. В отечественном «импероведческом» дискурсе понятие «Империя» остается одним из системо- и смыслообразующих, одновременно выполняя функцию цивилизационной и политико-идеологической идентификации общества¹⁴ и стратегического позиционирования государства.

Причем особую значимость и болезненную остроту проблема коннотативного наполнения термина «Империя» обретает как раз в контексте периодически повторяющихся в России системных общеимперских кризисов. Так, в разгар последней из них (на рубеже 1980—90-х гг.) ожесточенные схоластические дискуссии о том, можно ли считать Советский Союз империей, или нет, доходили до того, что «отстаиваемый вариант ответа предполагал однозначные политические выводы — если Советский Союз империя, он должен прекратить свое существование, если же нет, его необходимо сохранить»¹⁵.

При этом обозначающие, в сущности, один и тот же исторический феномен понятия «Империя» и «Держава» часто использовались (и сейчас используются) с полярно различной эмоциональной окраской. Как подметил в статье с

символическим наименованием «Наблюдатель империи» А. Ф. Филиппов: «Говорить плохо о державе и хорошо об империи у нас было не принято. Значит, и говорить не о чем. Оба понятия приобретали функцию не столько объяснительных средств, сколько блокирующих устройств». В связи с этим Филиппов выделил четыре возможных с точки зрения формальной логики варианта «риторических фигур»: «*Империя — это плохо, Советский Союз — это не империя*», «*империя — это плохо, Советский Союз — это империя*», «*империя — это хорошо, Советский Союз — это империя*», «*империя — это хорошо, Советский Союз — это не империя*»¹⁶.

Обострившиеся на закате советской империи межнациональные конфликты и «парады суверенитетов» вывели на первый план отрицательные, прежде всего «антинациональные» интенции имперскости как формы насильственного удержания народов и искусственного поддержания исторического неравенства «центра» и «провинций» на стадии, когда империи уже «изживают себя»¹⁷, исчерпывая свою положительную роль в истории. В конце концов (считать ли Советский Союз, вслед за антисоветчиками прошлого, «Империей зла» или, вслед за некоторыми современными западными исследователями, «Империей позитивного действия»¹⁸ и уникальной в своем роде «Империей наций»¹⁹), многие отечественные ученые стали объяснять уже ставший историческим фактом распад Советской империи вполне в духе западной советологии, исходившей из того, что сама «империя» есть «нелегитимное, составное государство, потенциально не способное удержать внутри себя растущие нации»²⁰, поэтому «триумф наций» закономерно становится «концом империи»²¹.

В известном смысле компромиссным итогом связанной с печальным концом СССР (осмыслить который пытались в контексте закономерностей имперской эволюции и необходимости модернизации имперского государства и общества²²) полемической риторики советско-постсоветского рубежа, выплеснувшейся в целый поток самых разноплановых работ по проблеме империи²³, можно

считать формулу Д. Е. Фурмана: «Империи — отнюдь не только нечто плохое, и соответственно, распад империй — это не только хорошее»²⁴.

Действительно, с трудом поддается трезвому анализу сочетание в Империи одновременно действующих позитивных и негативных потенциалов, порождающее трудно разрешимое внутреннее противоречие между огромной жизненной силой и способностью существовать многие века (быть «вечной цивилизацией»²⁵), и необычайной «хрупкостью»²⁶ на «исторических изломах», в результате чего казавшаяся незыблемой империя легко превращается в империю «расколотую»²⁷. Т. А. Филиппова и Д. И. Олейников, например, попытавшись диалектически одновременно охватить как причины способности империй к «культурным взлетам», так и причины их сокрушительной уязвимости в «смутные времена», сформулировали на гегельянский лад следующие историософские «теоремы империи»: 1) «сущность империи — абсолютная правда власти (*imperium*)...» (**ТЕЗИС**); 2) но в то же время империя есть и «высшая форма свободы», благодаря которой происходят «культурные взлеты, приходящиеся на эпохи расцвета империй...» (**АНТИТЕЗИС**); 3) однако «свобода общества в империи достигается "замораживанием сверху", при этом создается прочная, но не гибкая структура, которая способна отражать слабые внешние воздействия, а при сильных потрясениях раскалывается...» (**СИНТЕЗ**)²⁸.

Однако, по признанию самих авторов, рационалистическое разложение по тезисам «главных проблем имперства как особой природы власти и организации пространства» оказалось «допустимо, пока речь шла о некоей идеальной имперской конструкции. Конкретная же империя — в особенности такая, как Российская — с неизбежностью задает исследователю свои, ни на что не похожие вопросы, или же (что еще сложнее) дает ответы, на которые он сам еще не придумал вопросов. Как далека проблема Империи от геометрической наглядности и ясности!...»²⁹.

Тем не менее, акцентирование имперско-державной тематики в осмыслении особенностей исторического пути России не утратило актуальности с наступлением нового тысячелетия. Напротив, его начало уже ознаменовалось выходом историографически значимого массива специально посвященных «российско-имперской» проблеме монографий, справочных изданий и тематических сборников, причем как отечественных, так и зарубежных авторов.

В зависимости от «негативности» либо «позитивности» трактовки термина «Империя»³⁰, в современном «импедоведении» (соответственно, и в *россиеведении*) явно обнаруживаются два противостоящих друг другу лагеря.

С одной стороны, распространен взгляд на империю как «момент негативного универсализма», в котором мир объединяется не как форма или идея, а как инерционная «воронка» разложения границ и «круговой обороны» захваченных территорий и ресурсов³¹. Зачастую империя рассматривается как «неполноценное национальное государство, которое либо станет национальным, если основная нация ассимилирует или вытеснит все остальные, либо распадется на части по этническому признаку»³², либо вовсе как метафора «несправедливого мира» и «смутного времени», когда господствуют «нелегитимное насилие», «вооруженная глобализация» и «глобальный апартеид»³³. Многие авторы используют концепт «Империи» как принципиальный антипод «социального» и «правового» государства, а то и вообще любого стабильного и благоустроенного общества. Так, например, В. К. Кантор риторически вопрошает: «Сегодня опять путь в цивилизации связывают с государственностью. Но не с правовым государством, а с восстановлением империи. Что ставить во главу угла? Империю? То есть силу, подавляющую всякую самостоятельность внутри и вовне. Или нормальное существование каждого отдельного российского человека — жизнь сытую, обеспеченную, благоустроенную, лишённую перманентных катаклизмов?.. Иными словами, быть сверхдержавой или страной, развивающей культуру и цивилизацию, основанную на правах личности?..»³⁴.

Разумеется, что вкладывание негативной коннотации в концепт «Империи» ведет к выводам о необходимости избавиться от «имперских притязаний» и «великодержавных комплексов», навсегда отказавшись от державного пути в дальнейшем стратегическом развитии и историческом позиционировании России. Отдельные ученые спешат вынести окончательный приговор: «Империя умерла. На этот раз навсегда»³⁵. Хотя и при этом представители «антиимперского лагеря» высказывают обоснованные опасения, что, несмотря на все их взгляды и усилия, Россия продолжит свой имперский путь в истории³⁶...

С другой стороны, именно к имперской идеологии как главному инструменту мобилизации масс и основе государственного и национального возрождения обращаются те ученые и политики, которые видят в «Имперской идее» актуальный тренд общественного сознания, концептуальное обоснование политики Новой России, перспективный вектор ее социально-политического развития и геополитической трансформации³⁷.

В таком контексте, Имперская идея может быть осмыслена как некая «суперидеология», способная привести в согласие интересы всех основных национальных, конфессиональных, корпоративных и иных социальных групп, восстановить «свойственную России вертикально-интегрированную форму правления и персонифицированное общенациональное лидерство» и тем самым осуществить «реставрацию будущего»³⁸. В так называемом «имперском мифе» усматривают реально и конструктивно работающую систему норм, идей и представлений, которая на протяжении столетий являлась и является ценностно-смысловым фундаментом российской государственности и идеократической основой самобытной российской цивилизации³⁹. В понимаемой таким образом «имперскости» усматривают метафизическую сверхзадачу по реализации божественного замысла о человеке и мире, установления торжества трансцендентного Должного⁴⁰.

Еще Н. М. Карамзин писал: «Для того ли образуются, для того ли возносятся державы на земном шаре, чтобы единственно изумлять нас грозным колоссом силы и его звучным падением; чтобы одна, низвергая другую, чрез несколько веков обширную своею могилою служила вместо подножия новой державе, которая в чреду свою падет неминуемо? Нет! И жизнь наша и жизнь империй должны содействовать раскрытию великих способностей души человеческой; здесь все для души, все для ума и чувства; все бессмертие в их успехах! Сия мысль, среди гробов и тления, утешает нас каким-то великим утешением. — Возвеличенная, утвержденная победами, да сияет Россия всеми блестящими дарами ума бессмертного; да умножает богатства наук и словесности; да слава России будет славою человечества...»⁴¹.

Сегодня имперскость России рассматривают также и как реальную альтернативу современной глобализации, предполагающую не единственный путь «американского глобализма», а формирование «многополярного» мира, в котором человечество предстает как «трепещущий букет» различных, дополняющих друг друга культур/цивилизаций/империй. При этом Имперская политическая форма определяется не только как получающая «новый шанс» форма «естественной государственности»⁴², но как наиболее адекватная для расцвета культуры и цивилизации, в связи с чем признается необходимость Российской империи для мирового развития в широком смысле (как одного из вариантов цивилизационной и культурной эволюции)⁴³.

Некоторые авторы при анализе России как Империи обращаются к православно-государственной идеологии, осовременивая доктрину Священного Царства. Так, А. Н. Боханов в монографии «Российская Империя. Образ и смысл» (кстати, включенной в книжную серию Российского института стратегических исследований) рассматривает Россию как Православную Царскую Империю, с момента ее конституирования в XVI в. и до падения монархии в XX в. сохранявшую духовную доминанту, онтологически выражавшую вселенское задание, ниспосланное Всевышним роду

человеческому. По мнению автора, в мировой истории существуют две исходные смысловые модели, определяющие образ и смысл любой империи: «Перворимская» модель («Империя цезарей») и «Второримская» — матрицей для которой служил Константинополь. Хотя между ними и существовала внешняя схожесть, но содержательно это разнозначимые историко-культурные явления. В первом случае Империя — мировая трансляция власти и силы (*translatio imperia*), а во втором — трансляция веры (*translatio confessionis*). Православная Россия, являясь «Империей-Царством», оставалась в этом смысле уникальным образованием последних веков мировой истории⁴⁴.

Квинтэссенцией взглядов на Империю как «судьбу России»⁴⁵, ее «неизбежность»⁴⁶ и ее непреложный долг перед человечеством и перед самой собой⁴⁷ (а также и как единственный способ преодоления прошлой и современной «русской смуты»⁴⁸) можно считать риторическое восклицание современного политического философа В. В. Аверьянова: *«Так не лучше ли добровольно поднять бремя империи, а не продолжать растворять свою цивилизацию в кислоте вялотекущей Смуты? [Выделено самим В. А. — П. М.] (Чтобы потом когда-нибудь, как щенки, сунутые носом в собственное дерьмо, возвращаться в империю под давлением уже непреодолимых обстоятельств)»*⁴⁹. Сходные мысли высказывает С. В. Лурье: «Пора где-то остановиться в этом саморазложении и самозапугивании. Хватит предавать других, хватит предавать и калечить себя самих. Нет у нас выбора. Россия никогда не станет государством-нацией. Россия мучится, будучи федерацией, России незачем быть пародией на империю. Она должна перестать бояться собственной тени и сказать самим себе — наша цель — имперское строительство, нам надоело жить в плоском бумажном мире карикатур, мы хотим нормальной Империи»⁵⁰.

Таким образом, даже такой, предельный краткий и поверхностный экскурс в современное состояние истории и историографии непримиримых споров о понятии «Империя» применительно к цивилизационной специфике России, вы-

нуждает согласиться с высказыванием почитаемого на Западе и презентуемого в России в сомнительном качестве «живого классика "Imperial studies"»⁵¹ британского историка Доминика Ливена: «ИМПЕРИЯ — ЭТО СИЛЬНОЕ И ОПАСНОЕ СЛОВО (так в тексте. — П. М.). Оно имеет богатую и неоднозначную историю. Сегодня, как и в прошлом, оно носит весьма различные полемические оттенки»⁵².

Однако сам Ливен со своими опасениями, что возможное определение империи будет «весьма общим и неконкретным, полным идеологических ловушек и совершенно непригодным для применения в актуальных политических дебатах»⁵³, в итоге так и не выдвинул никакого внятного определения понятия «Империя», несмотря на то, что использовал его как центральное на протяжении всей немалой по объему книги⁵⁴. Ограничившись весьма странным образным заключением, что «Империя — это сложная и изысканная область науки, населенная леопардами и другими дикими созданиями. Свести все это к определениям и формулам — значит превратить леопарда в домашнюю киску, дефективную, уродливую, трехногую и бесхвостую»⁵⁵, профессор Лондонской школы экономики и политических наук, тем не менее, утверждает: «Для меня империя по определению — "не демократия", другими словами, не государство, которое управляется с высказанного в той или иной форме согласия населения»⁵⁶. Но, как метко подметил А. И. Фурсов: «...Дефиниция по негативу, да еще определяемая через принципиально непроверяемое условие — "ruled with explicit concept of its people" — никуда не годится. Во-первых, это то же самое, что определять змею как существо без ног (лап), крыльев, теплой крови и т. д. Мы узнаем, чем змея не является, но чем она является, останется секретом. Во-вторых, что значит "управляется на основе открытого одобрения народа"? Если одобрение скрытое, то как мы о нем узнаем? Открытое одобрение — как мы узнаем, искреннее оно или нет? Или от страха? Или от отсутствия реальной альтернативы? Где взять "одобремометр"?»⁵⁷ ...

Но как бы ни было «опасно» употребление слова «Империя», невозможно не согласиться и с другим авторитетным западным специалистом Андреасом Каппелером, справедливо подчеркивающим, что Россия, «с ее невероятным этническим разнообразием, охватывающим Европу и Азию, четыре мировые религии и целую шкалу различных образов жизни и экономических укладов», есть не что иное, как «империя». Между тем как «... взгляд на историю России как на историю национального государства ошибочен, и такой подход неизбежно приведет к заблуждению...»⁵⁸.

Очевидно, что в зависимости от ценностно-смысловой трактовки «опасного» слова «Империя» будут принципиальным образом отличаться варианты интерпретации ключевых событий российской истории. Учитывая, что все попытки «*понять имперскую Россию*»⁵⁹ крайне осложняются неоднозначностью понятия империи и чрезвычайно широким диапазоном его употребления⁶⁰, сделаем несколько уточнений, что же все-таки чаще всего понимается под *Империей*: а) в зависимости от дисциплинарной ориентации автора-«импероведа»; б) в зависимости от выделяемых автором имперообразующих признаков.

Так, *по дисциплинарной ориентированности* можно выделить, например, такие подходы как: 1) *социологический* (рассматривающий империю как особый тип социальный общности и выявляющий место различных имперских институтов в структуре общества и системе социальных взаимодействий); 2) *политологический* (рассматривающий империю как особый тип политической системы (совокупность специфических политических институтов), базирующийся на определенной идеологии); 3) *юридический* (исходящий из наличия соответствующих нормативно-правовых актов и юридически оформленных институтов имперской власти); 4) *географический* (понимающий империю как исключительно значительные пространства и ресурсы, освоенные одним государством в конкуренции с другими); 5) *этнологический* (понимающий империю как множество особым образом организованных народов); 6) *социально-*

психологический (выявляющий особые, свойственные имперскому социуму, общественное сознание и поведение); 7) *культурологический* (выявляющий специфику империи в контексте культурного воспроизводства — как особого рода культуры (и элитарной, и массовой), основанной на своеобразном иерархическом синтезе имперообразующей культуры и интегрированных в империю национальных культур); 8) *социально-философский* (интегрирующий, синтетический, системно осмысливающий место и роль империи как особой онтологической и аксиологической реальности)... Очевидно, что этот список несложно продолжить...

По выделяемым различными авторами основным «имперообразующим» признакам и атрибутам «имперскости» на сегодняшний день также не может быть и речи о каком-либо конвенциональном единстве в научном сообществе (причем даже в узких рамках конкретных дисциплин).

Как правило, говоря об империи, подразумевают один или несколько из следующих (по крайней мере, дюжины — но и этот перечень можно продолжить...) *существенных признаков*: 1) наличие «императора», власть которого («де-юре» или «де-факто») признается сакральной; 2) наличие духовных «императивов» (идеальных и реальных предписаний к «долженствованию»), идеологически и психологически объединяющих многообразие народов в единый субъект истории, имеющий (или полагающий, что имеет) цель и смысл («выполняет миссию», «несет бремя» священного долга перед Богом и (или) Историей); 3) идея служения неким высшим надчеловеческим началам и иерархичность этого служения как основа «вертикали власти»; 4) патернализм как основа социокультурных взаимосвязей внутри имперской «большой семьи»; 5) полиэтничность (предполагающая, тем не менее, особую роль доминирующего, «имперообразующего» этноса в «семье народов») и обусловленная ею этнокультурная гетерогенность, «разнотекучность» (и даже «крайняя этническая, культурная, экономическая и политическая разнородность»); 6) «наднациональный» характер государственности;

7) своеобразие территориально-организационных отношений внутри империи (организация их по типу «центр — периферия», «ядро — окраины», «метрополия — колонии»); 8) своеобразие связей с соседями вне империи (организация их в первоочередной зависимости от близости либо чуждости имперским идейно-ценностным ориентирам, ориентация не на всего лишь «государственные интересы», а на ценности «надгосударственные»); 9) масштабность (величина, переходящая в «величие») освоенных пространств и ресурсов; 10) известная историческая устойчивость (временная протяженность, значимость не только в территориальном, но и в хронологическом ракурсе); 11) экспансионизм территориальной и культурной политики (ее «империалистический», колониально-гегемонический характер) и «подвиг удержания территорий»; 12) значимость (или хотя бы претензии на значимость) в мировом устройстве и стремление к «всемирности», «всечеловеческому» универсализму (вплоть до осуществления «мирового господства»)...

По мнению автора настоящей статьи, стоит особо подчеркнуть, что *Империя* не есть всего лишь масштабное многонациональное государство с обширными государственными интересами, у которого хватает воли, сил и средств вести «империалистическую» политику, вовлекая в свою орбиту все новые народы. *Империя* не есть и просто форма государства, отличная от иных форм лишь техническими особенностями устройства и правления. *Империя* — это государство, осознавшее свою роль во всемирной истории и целенаправленно выполняющее ее как *Миссию*, находящуюся превыше локальных («всего лишь государственных») интересов. В основе исторического существования любой Империи лежит идея служения *Императиву*, объединяющему населяющие ее народы во имя реализации Добра и противостояния Злу. В рамках такого понимания *Империи*, она, пожалуй, единственный реально возможный в истории государственный синтез онтологических и аксиологических представлений человека: *Империя* — это государственная форма осмысленного бытия человека и общества. Это наднациональная суперэтническая

форма объединения народов в единое социокультурное пространство («*центр мира*»), в котором их бытие вписано во вселенский, провиденциально-эсхатологический контекст. Это форма опосредованной власти *Императива*, являющегося общезначимым нравственным предписанием для имперообразующей нации и включаемых в нее народов, определяющего смысл и цель индивидуального и сверхличностного существования человека и человечества в истории. Всякое государственное образование, претендующее на роль Империи, исходит из монополии на подлинную *Идею*, предлагаемую массам в качестве истины, способной служить антиэнтропийным идеологическим фундаментом общества на данном этапе истории. Наличие Идеи, способной объединять и вести массы, является нормой существования Империи. Именно Идея дает и государству, и человеку ощущение причастности к Истории, радость и утешение от осознанного Служения чему-то значительно более великому, чем всего лишь частные интересы. *Империя* — это не просто «большая семья» — это семья, которая знает (или полагает, что знает) смысл жизни и дарит причастность к нему всем своим членам. Каждый отдельный народ (как и отдельный человек), идентифицирующий себя с Империей, получает возможность обрести ценностную полноту социального бытия в служении Великой Целостности, найти опору вне времени (тем более, вне всяких *смутных времен*), приобщиться Вечности.

В этом смысле *Империя* есть утопия. Но это работающая, и как показывает история, эффективно работающая утопия. В таком контексте, Имперская идея является духовным стержнем российской истории, по меньшей мере, со времен генезиса доктрины Третьего Рима, и именно мера причастности к этой идее в решающей степени определяет степень утопичности или жизнеспособности различных политических сил в борьбе за власть и будущее России.

Библиография и примечания

¹ См.: Труды по россиеведению: Сборник научных трудов / РАН ИНИОН. Центр россиеведения. Вып. 1. М., 2009.

² См., напр.: *Матвеев В. Е.* Концепт «империя» в современной научной литературе: автореферат дис. ... к.и.н. Омск, 2008; *Шогенов Ш. Х.* Роль концепта «империя» в познании глобализирующегося мира: социально-философские аспекты темы: автореферат дис. ... к.ф.н. М., 2007.

³ Цит. по: *Февральская революция 1917 года в России: история и современность: Материалы круглого стола.* М., 2007. С. 53. Само слово «власть», по мнению Ю. С. Пивоварова, есть «ключевое для русской культуры» (*Пивоваров Ю. С.* Русская собственность, русская власть, русская мысль // *Россия и современный мир.* 2002. № 1. С. 31) См. также: *Пивоваров Ю. С., Фурсов А. И.* Русская Система: генезис, структура, функционирование // *Русский исторический журнал.* Т. 1. Лето 1998. № 3. С. 13—96.

⁴ *Фурсов А. И.* Русская власть, история Евразии и мировая система: *mobilis in mobile* (социальная философия русской власти) // *Феномен русской власти: преемственность и изменение.* Материалы науч. семинара. Вып. № 3 (12). М.: Научный эксперт, 2008. С. 14.

⁵ Там же.

⁶ См.: *Марченя П. П.* Империя, партии и массы в русской смуте // *Власть.* 2010. № 3. С. 105—110; *Марченя П. П., Разин С. Ю.* «Смутоведение» как «гордиев узел» россиеведения: от империи к смуте, от смуты к...? // *Россия и современный мир.* 2010. № 4. С. 48—65; *Их же.* Империя и Смута — инварианты российской истории // *Федерализм.* 2010. № 3. С. 121—134.

⁷ См.: *Марченя П. П.* Империя, партии и массы в системе взаимодействия власти и общества в России // *История СССР/РФ в контексте современного россиеведения.* М., 2011. С. 211—233.

⁸ *Le Concept d'empire.* Paris, 1980. P. 7.

⁹ *Eisenstadt S.* *The Political Systems of Empires.* London, 1963.

¹⁰ *Лурье С. В.* От древнего Рима до России XX века: преемственность имперской традиции // *Общественные науки и современность.* 1997. № 4. С. 123.

¹¹ Цит. по: *Подвицнев О. Б.* Сложности постимперской адаптации консервативного сознания: постановка проблемы и опыт классификации // *Полис.* 1999. № 3 С. 52.

¹² Там же (На самом деле, ситуация далеко не столь однозначна. Очень многие современные «серьезные исследователи», в том

числе западные, именно проблему «Империи» помещают в центр своих исследовательских интересов (см. об этом: *Фурсов А. И.* «Империиология» без теории, или «хлопок одной ладонью» // АПН. 2007. 30 января // <http://www.apn.ru/publications/article11379.htm>).

¹³ См.: *Шимов Я.* Беспокойный призрак империи: Заметки об имперском прошлом, постимперском настоящем и (возможном?) неоимперском будущем России // Логос. 2005. № 1. С. 3—18.

¹⁴ Некоторые ученые даже ставят вопрос о наличии в России обусловленного именно Империей особого антропологического типа — "Homo imperii" (См.: *Могильнер М.* Homo imperii. История физической антропологии в России. М., 2008).

¹⁵ *Подвицнев О. Б.* Указ. соч.

¹⁶ *Филиппов А. Ф.* Наблюдатель империи (империя как социологическая категория и социальная проблема) // Вопросы социологии. 1992. № 1. С. 90.

¹⁷ См., напр.: *Кнабе Г. С.* Империя изживает себя, когда провинции догоняют центр [Закат империй: Семинар] // Восток. 1991. № 4. С. 75-77.

¹⁸ *Мартин Т.* Империя позитивного действия: Советский Союз как высшая форма империализма // Ab Imperio. Казань. 2002. № 2. С. 55—87; подробнее см.: *Мартин Т.* Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923—1939. М., 2011.

¹⁹ A State of nations: Empire and nation-making in the age of Lenin a. Stalin. Oxford, 2001; *Hirsch F.* Empire of nations: ethnographic knowledge & the making of the Soviet union. Ithaca; London, 2005.

²⁰ *Суни Р.* Диалектика империи: Россия и Советский Союз // Новая имперская история постсоветского пространства. Казань, 2004. С. 167.

²¹ *Carrere d'Encausse H.* The end of the Soviet Empire: The triumph of the nations. N. Y., 1993.

²² См., напр.: *Алексеев В. В., Алексеева Е. В.* Распад СССР в контексте теорий модернизации и имперской эволюции // Отечественная история. 2003. № 3. № 5. С. 3—20.

²³ Подробнее см.: *Гатагова Л. С.* Империя: идентификация проблемы // Исторические исследования в России. Тенденции последних лет. М., 1996. С. 332-353.

²⁴ *Фурман Д. Е.* О будущем «постсоветского пространства» // Свободная мысль. 1996. № 6. С. 50.

²⁵ См., напр.: *Нусхаев А. Л.* Царская Россия: империя вседуха, вечная цивилизация. Элиста, 1996.

²⁶ «Хрупкость» Российской империи как одно из ее исторически значимых качеств А. Чубаров, например, даже вынес в заголовок своей книги (*Chubarov A. The fragile empire: a history of Imperial Russia. N. Y., 1999*).

²⁷ См.: *Каррер д'Анкосс Э. Расколота империя = Decline of an empire: Национальный бунт в СССР. Лондон, 1982*.

²⁸ *Филиппова Т., Олейников Д. Теоремы империи // Неизбежность империи: Сборник статей по проблемам российской государственности. М., 1996 // <http://www.netda.ru/belka/texty/imper/imp-fil.htm>.*

²⁹ Там же.

³⁰ О различных коннотациях слова «империя» в имперской России, СССР и США см., напр.: *Ильин М. В. Слова и смыслы: Деспотия. Империя. Держава // Полис. 1994. № 2. С. 117—130*. Об англо-американской традиции оценки имперскости России см. также: *Белгородская Л. В. Образ Российской империи на страницах британских и американских справочно-энциклопедических изданий XX века: автореферат дис. ... д.и.н. СПб., 2009*. (Но и внутри самой России также издавна сосуществовали и сосуществуют ныне различные смыслы концепта «Империя», что отмечают и западные исследователи. См., напр.: *Уортман Р. С. Сценарии власти: Мифы и церемонии русской монархии: Материалы и исследования. М., 2002. Т. 1. С. 56—57; Беккер С. Россия и концепт империи // Новая имперская история постсоветского пространства. Казань, 2004. С. 67—80; Сунн Р. Империя как она есть: имперская Россия, «национальное» самосознание и теории империи // *Ab Imperio*. Казань, 2001. № 1/2. С. 9—72).*

³¹ *Магун А. В. Империализация (Понятие империи и современный мир) // Полис. 2007. № 2. С. 63—80*.

³² *Мамот М. Империя: прошлое империй и империи будущего // Прогнозис. 2006. № 3. С. 272*.

³³ См.: *Паин Э. Рецензия на: Майкл Хардт, Антонио Негри. Множество: Война и демократия в эпоху Империи. М., 2006 // Pro et contra. 2006. № 4. С. 112; Ливен Д. Империя. История и современный мировой порядок // *Ab Imperio*. 2005. № 1. С. 81*.

³⁴ *Кантор В. К. «...Есть европейская держава»: Россия: трудный путь к цивилизации: Историсофские очерки. М., 1997. С. 134*.

³⁵ *Соловей В. На руинах Третьего Рима: Трансформация русской идентичности и ее стратегические последствия // Стратегия России. 2006. № 10. С. 73*.

³⁶ Так, например, бывший советник сыгравшего большую роль в разрушении советской империи Б. Н. Ельцина

Г. Э. Бурбулис уже в 2007 г. признавался: «Как бы я ни уважал моих друзей-соратников, мне кажется, что спешим мы с такими выводами: и "гибель", и "закат" не так очевидны, как этого нам хотелось бы» (См.: *Бурбулис Г. Э. Россия на рубеже XX—XXI веков: от империи к свободе // Судьба России: вектор перемен.* М.; Екатеринбург, 2007 // http://www.ural-yeltsin.ru/knigi/rossija_na_rubezhe/document632/).

³⁷ См.: *Панкова Л., Леонова О.* «Имперская идея» как актуальный концепт политической культуры // *Обозреватель—Observer.* 2007. № 3. С. 92—100.

³⁸ *Шатиоров С., Павленко В.* Имперская государственность: история и современность // *Обозреватель—Observer.* 2006. № 2. С. 6—17.

³⁹ См.: *Разин С.* Российская многопартийность и имперский миф в истории русской революции // *Власть.* 2009. № 2. С. 107.

⁴⁰ *Гавров С. Н.* Модернизация во имя империи. С. 44—46. О метафизических основаниях Имперской идеи и диалектике должного и сущего в судьбе Империи и имперском сознании см. также: *Сунягин Г. Ф.* Как исчезают империи // *Вестник СПбУ.* Сер. 6. 2007. Вып. 2. Ч. 1. С. 13—21; *Яковенко И. Г.* Небесный Иерусалим или Российская империя: диалектика должного и сущего // *Рубежи.* 1997. № 5. С. 29—41; № 6. С. 52—65; № 7. С. 81—94; № 8-9. С. 27—46; *Марченя П. П.* Держава и право в русском сознании // *Философия хозяйства.* 2006. № 1. С. 138—144.

⁴¹ *Карамзин Н. М.* Речь, произнесенная на торжественном собрании Императорской Российской Академии 5 декабря 1818 г. // *Карамзин Н. М.* Избр. соч. в 2 т. М.—Л., 1964. Т. 2. С. 241-242.

⁴² *Секацкий А. К.* Шанс для империи и современный социогенез // *Вестник СПбУ.* Сер. 6. 2007. Вып. 2. Ч. 1. С. 22—33.

⁴³ *Пигров К. С.* Империя как инновация, или императив империй // *Вестник СПбУ.* Сер. 6. 2007. Вып. 2. Ч. 1. С. 3—12.

⁴⁴ *Боханов А. Н.* Российская Империя. Образ и смысл.

⁴⁵ См., напр.: *Савельев А.* Империя — судьба России (Личность, общество и государство в имперской нации) // <http://savelev.ru/article/show/?id=9&t=1>.

⁴⁶ См., напр.: *Неизбежность империи.* М., 1996.

⁴⁷ См. также: *Маслов О.* Власть Империи в России (Россия и Империя в высказываниях современников) // *Еженедельное независимое аналитическое обозрение.* 2009. 18 сентября // <http://www.polit.nnov.ru/2009/09/18/ImperiaRus/>.

⁴⁸ См., напр.: *Марченя П.П.* «Смута» как проблема отечественной истории: Чему учат системные кризисы России? // *История в подробностях.* 2010. № 5. С. 86—91.

⁴⁹ *Аверьянов В.* Рассыпавшаяся матрешка: национализм льва и национализм шакала // <http://www.pravaya.ru/look/11104>.

⁵⁰ *Лурье С. В.* Империя как судьба // *Эпоха.* 2000. № 10 (1) // <http://svlourie.narod.ru/imperium/fate.htm>.

⁵¹ См., напр.: *Дейниченко П.* Конец имперской эпохи: Рецензия на: Ливен Д. Российская империя и ее враги с XVI века до наших дней... // *Книжное обозрение.* 2007. № 2 (2116). 22 января // http://europublish.ru/reviews/140063281?user_session=1f3c542b7259622f467297c87eb30510; *Каснэ С.* Рецензия на: Российская империя в сравнительной перспективе... // *Неприкосновенный запас.* 2004. № 6 // <http://magazines.russ.ru/nz/2004/38/re20.html>.

⁵² *Ливен Д.* Российская империя и ее враги с XVI века до наших дней. М., 2007. С. 635.

⁵³ Там же. С. 17.

⁵⁴ Блестящую критику так называемой «империологии» Д. Ливена см.: *Фурсов А. И.* «Империология» без теории, или «хлопок одной ладонью».

⁵⁵ *Ливен Д.* Указ. соч. С. 640.

⁵⁶ Там же. С. 19—20.

⁵⁷ *Фурсов А. И.* Указ. соч.

⁵⁸ *Канпелер А.* Россия — многонациональная империя: Возникновение. История. Распад. М., 2000. С. 8—9.

⁵⁹ «Понять имперскую Россию», — так сформулировал задачу известный русско-западный (немецко-французско-американский) историк Марк Раев. В русском переводе, увы, эта задача упрощена... — см.: *Раев М.* Понять дореволюционную Россию: Государство и общество в Российской империи [= *Raeff Marc.* *Understanding the imperial Russia*]. London, 1990.

⁶⁰ Краткий перечень длинного набора теоретических трудностей определения термина «Империя» в изложении, напр., американского политолога А. Мотья см.: *Мотья А.* Пути империй: упадок, крах и возрождение имперских государств [= *Imperial ends: the decay, collapse and revival of empires*]. М., 2004. С. 7—11.